

Александр
Сорокин-Ильинский

ЦАРСКАЯ ДОРОГА

книга шестая

Москва
Академика
2015

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5
С65

Александр Сорокин-Ильинский (А.Е. Сорокин).

Царская дорога. Шестая книга стихов.

Издательство "Академика", 2015 год - 86 стр.

ISBN 978-5-4225-0092-5

Александр Сорокин-Ильинский определяет свой художественный метод как метафизический реализм. Иными словами, действительность надо не отражать, а преобразовать. Но нельзя полностью отрываться и от первой реальности, уходя в отвлечённости. Здесь необходимо отыскать золотую середину, полагаясь на небесную интуицию.

Александр Сорокин-Ильинский автор пяти поэтических книг: «Неравновесие покоя» (1993); «Изборник» (2001); «Обратная перспектива» (2005), включившая в себя переработанный вариант «Неравновесия покоя», а также последующие книги «В отечестве другом» и «Бесследная тропа»; «Снег тишины» (2009); «Глазами сердца» (2013). «Царская дорога» — шестая книга поэта. Он член СП России, лауреат IV Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо».

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5

ISBN 978-5-4225-0092-5

© Сорокин-Ильинский А.Е., 2015

ОТ АВТОРА

Из Северной прародины по Царской дороге лежит путь России. Путь духовный. Он суждён нам изначально, хотя ли этого сменяющиеся правители или нет. Недаром в христианском богословии есть понятие «Царский путь» — это дорога в Царствие Небесное. Мы не раз сворачивали с начертанного пути, бродили окольными тропами, но во все времена стойкость, терпение, отвага и самопожертвование высоких душ не позволяли нам истребить в себе способность к тому предназначению, которое уготовано, по сути, всякому народу. Мы не исключение. И путь у нас свой, особенный. И задача — не властвовать над миром, а служить ему, завоёвывать не государства, а сердца.

Где доказательства, спросите вы? Отвечу: вера не требует доказательств. Вера — это убеждение, основанное на личном духовном опыте. И чем больше уверовавших, тем короче путь к чаемой цели. Два больших цикла в этой книге — скромный плод такого опыта. Надеюсь, они найдут отклик у соотечественников, занятых не только устройством собственного благополучия, но и стремящихся к общему благу, без чего первое, как ни крути, зыбко и неустойчиво.

Что касается остальных стихотворных пьес — в них моя жизнь, точнее, ощущение её через поэтическое слово.

В шестой книге я впервые выступаю под двойной фамилией. Почему я взял её? Во-первых, пишущих Сорокиных, да ещё и Александров, много, а Сорокин-Ильинский один. Во-вторых, детство я провёл в посёлке Ильинское, что по Казанке вслед за Малаховкой и Быковым. Полвека спустя я переехал жить в Усово по Рублёво-Успенскому шоссе. И здесь, рядом со мной, находится исторически известный посёлок — Ильинское. И по пути домой я выхожу на платформу с одноимённым названием. Получается, Ильинское сопровождает меня на протяжении жизни, и мне это кажется совсем не случайным фактом.

**Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.**

А.С. Пушкин

СРОК НАСТАЛ

Отрицание — умирание.
Я об этом не думал ранее.
Был беспечен. Но срок настал
побороться за утверждение,
сердца радостное горение
поднимая на пьедестал.

ВРЕМЯ

— **Время разбрасывать время...**

Эдуард Балашов

Полно разбрасывать камни, время — разбрасывать время
и собирать его в вечность в незавершённой поэме.

По завершении сроков нет завершения Слову.
Если состарилось время, время — примерить обнову.

Нет завершения делу, что устремилось к Началу.
Всё, укреплённое верой, сложится мало-помалу.

ТРУД

Когда по зову сердца выбран труд,
то в нём уже заложена награда.
Пусть в твою честь фанфары не поют,
тебе признанья грубого не надо.

Теперь тобою правят красота,
терпенье, совесть — твой попутчик зрячий,
и убежденье — вовсе неспроста
ты поступаешь так, а не иначе.

Какой бы ни был вынесен вердикт,
пусть ты не оценён в мирском угаре,
зато никто тебе не запретит
вкушать блаженство незаметной твари.

К ПОЗИИ

В грубых забавах века,
где процветает пошлость,
ты для меня проверка
веры моей на прочность.

Веры в живое слово
нашей былинной речи.
И с нетерпением снова
жду я с тобою встречи.

В путях мирского мрака
всходит поэтов племя.
Иго твоё мне благо,
радостно твоё бремя.

Я ведь не гость случайный
там, где на братском пире
ветер свободы тайной
веет на все четыре
стороны. Где за нашу
перед тобой поруку
мы круговую чашу
передаем друг другу.

Нет там имён забытых —
славны там общей славой.
Вся ты как вдох и выдох
в стройности величавой!

В ПЕСЕННОЙ ЗАБОТЕ

**Нет человека без родины,
иначе бы он не родился.**

Эдуард Балашов

Я смотрю не так, как прочие,
на условности уставные,
оставляя многоточия
там, где точки все расставлены.

Не сторонник действия всякого
ради денег, ради почестей,
я свободен одинаково
и в толпе, и в одиночестве.

Тропами брожу окрестными,
и во мне звучит как проповедь:
на земле отцовской с песнями
можно вкусно жить и впроголодь.

Не скудеет моя родина —
не мечта она, не вымысел.
Её в песенной заботе я,
доверяя сердцу, выносил.

ОТВЕТ

С ненавистью оголтелой
смотрит Запад на Восток.
Он Великой, Малой, Белой
в ослепленье пренебрѣг.

Что ж, бесчинствуйте, грозите.
Кровь славянская — рекой.
В кипятке крутом событий
мы из армии другой.

Нас ведѣт святое знамя,
наш союз неупраздним:
Сергий Радонежский с нами
и отчизна иже с ним.

Мы свои залечим раны,
долг исполним до конца:
завоёвывать не страны,
не народы, а сердца.

ИМЕНИНЫ

Украина против Украины —
вот такие нынче именины.

Именины за столом у смерти —
никакой иронии, поверьте.

Ненасытна братской бойни прорва:
по колено крови, слёз по горло.

Век почти назад — иль вы забыли? —
мы такое вместе проходили.

Не нужны мы Западу, славяне.
Ходит Запад с кукишем в кармане.

У кого б вы помощь ни просили —
помощь будет только от России.

ЖЕНЩИНА

1

Все женщины по праву несравненны.
Имеет что-то каждая из них
от Афродиты, вышедшей из пены;
и каждая — одушевлённый миф.

Рекою чувств разрозненных влекома,
в какой-то миг и ангел, и дитя,
в одном лице Годива и Горгона,
она и мстит, и любит не шутя.

Другое дело — материнства схи́ма.
На столкновенье всех мирских ветров
для кровных чад — для дочери ли, сына —
она всегда опора и покров.

Познать её не хватит жизни целой,
да что там многих — близкую одну.
Я перед ней с любовью неумелой
в догадках и гаданиях тону.

И, древнему уподобляясь греку,
что прикоснулся к тайне во плоти,
могу заверить: в женщину, как в реку,
в одну и ту же дважды не войти.

2

Во многих лицах — мать, сестра, супруга,
дочь и подруга верная, — она
какая б мир ни посещала вьюга,
своей природе истинной верна.

Влечение к ней в веках неистошимо.
И на дворе какой бы ни был век,
одно бесспорно: без неё мужчина,
как ни крути — неполный человек.

БЛИЗОСТЬ

1

Нам в объятых не до сна,
в нас единствует весна.
Бурное соитие —
словно вод разлитие.

Не до сна в объятых нам!
Нас к иным уносит снам —
снам, цветущим въяве
в неземной оправе.

2

Близость — венец слияния
тел и сердец покорных,
трепетное сияние
в неуловимых формах.
Это напор и робость,
властный огонь нутробы,
взлёт и паденье в пропасть
нежности влажной, чтобы
к вечности прикоснуться
с возгласом: «Ты моя!»
И, онемев, очнуться
вместе от забытья.

3

Когда с тобой сливаюсь я
в глубоком поцелуе,
взаимной нежности струя
иные будит струи.

Они вскипают в глубине,
в крови горячей бродят.
И ты всем естеством во мне!
А Эрос верховодит.

Забыв о мире остальном,
подобны звучной рифме
мы в упоении хмельном,
в дионисийском вихре.

И вдохновенья верный знак —
блаженство в эпилоге.
Античные, наверно, так
воспламенялись боги!

4

Тайна тесного слиянья
двух сердец, объятых дрожью,
словно двух вершин сиянье,
неразлучных у подножья.

МОЙ КАЛИНОВ МОСТ

Вновь я на Калиновом мосту —
этот подвиг не овеян славой.
Снова бой невидимый веду
я с зелёной гадиной стоглавой.

Смотрит двумя сотнями очей:
— Брат, ты наш (милы и льстивы речи).
— Нет, не ваш я, — говорю, — ничей, —
разминая для удара плечи.

— Коль ничей, у Бога не проси
ни подмоги скорой, ни защиты.
— Нет людей без Бога на Руси, —
отвечаю. — Я не ваш. Мы квиты.

И рублю, рублю, рублю сплеча
чем попало, коли нет меча,
разбивая сердце на осколки,
лишь бы речи хитрые умолкли!

НЕ ПОЗДНО

Но строк печальных не смываю.

А.С. Пушкин. «Воспоминание»

Не заказаны пути
всем нам до погоста.
А до Пушкина дойти
посложней крат во сто.

Мы одной отчизны часть,
я в одной с ним лодке.
Не сгубила б только страсть
к женщинам и к водке.

Жизнь свою перелистав,
где на ране рана,
что я пушкинский устав —
не скрывать изъяна.

И пора, убавив прыть,
пропадать не праздно.
Рано годы хоронить,
прожитые разном.

Под частушечный мотив,
что звучит серьёзно,
взор на небо обратив,
протрезветь не поздно.

ИЮЛЬСКАЯ ГРОЗА

Землю бусинками града
наградили небеса.
В доме — свежесть и прохлада.
Ливень за окном, гроза!

Выхожу я на свиданье
с бурей, солнца брат меньшей:
ты дана мне в назиданье
или к радости большой?

Не ответила, умчалась.
Ветер стих. Бежит вода.
В тучи солнце постучалось —
и распахнуты врата!

Каплей на воспрявшей ветке
праздный мой повис вопрос.
Капля высохла. И светлый
день не помнит прежних слёз.

БАБОЧКА ИЮНЯ

Ну что ты ко мне залетела —
так зелени много вокруг.
И самое милое дело —
резвиться со стайкой подруг
над лугом, где в ярких нарядах
сошлись на смотрины цветы.
Приветствуй вселенский порядок,
в котором не лишняя ты.

Но бьётся в стекло бестолково,
а рядышком — настезь окно.
При виде упрямства такого
и совестно мне, и смешно.
И я подставляю ладони:
все страхи оставь позади —
за солнцем, за жизнью в погоне
на волю скорее лети!

БАБОЧКА НОЯБРЯ

Ноябрь на исходе. Зима на ходу.
Морозит. А мой подоконник в цветах.
Гляжу, лепестки, как в весеннем саду,
раскрылись, нарушив природы устав.

И бабочка крыльями бьёт по стеклу.
Очнувшейся пленнице, ей невдомёк,
что стужа приходит на смену теплу
и смерти подобно лететь за порог.

Цветы поливаю, чтоб садик мой рос,
с утра ей на блюдечке ставлю я мёд.
Пока за окошком крепчает мороз,
пускай порезвится, пускай поживёт.

Иного я выхода ей не найду;
и в час, когда всё не попад и не впрок,
отрадно, что в комнатном тихом аду
есть райский хотя бы один уголок.

МУХА

Мумия мухи меж створок окна.
С фалдами крыльшек будто во фраке.
Сколько же так пролежала она
в этом прозрачном своём саркофаге?

Может быть, год, может, два или пять.
В смертном смирении, лапками кверху.
Ей уже нечего больше терять,
всё нипочём ей давно и не к спеху.

Пусть полежит ещё. Свыкся я с ней.
Осень подкралась опять незаметно.
Сколько увижу их — Богу видней.
Жду с нетерпением бабьего лета.

Много ли знать нам дано наперёд,
будем ли счастливы знанием этим?
Вряд ли — день каждый о жизни поёт, —
жизни, где дождик, и солнце, и ветер.

Как мы от жизни такой далеки,
в мощи своей не крепки на поверку.
Всё копошимся, жужжим по-людски, —
смотришь, и так же вот — лапками кверху.

ОСЫ

Летит оса, за ней — другая.
Вот целый рой вокруг меня.
За что же мне напасть такая
в гостях у солнечного дня!

Летят хоть чем-то поживиться,
доверясь нюху и молве.
Как вижу, долго не продлится
мой скромный завтрак на траве.

Осиный август дни листает,
зато прошла пора слепней.
Они теперь не донимают
в лугу пасущихся коней.

Всему своё благое время,
никто без смысла не рождён.
И ос назойливое племя
пройдёт с сентябрьским дождём.

А нынче — тишина над плёсом.
Ну что ж, кружитесь надо мной!
Раздолье здесь не только осам —
всему, что славит путь земной.

УЛИТКА

Улитка ползёт не прытко,
несёт на себе свой домик.
На то она и улитка —
и муравей догонит.

Улитка переползает
асфальтовую дорогу.
Антенновые глаза ей
едва ли спастись помогут.

Лужок долгожданный близко
и вдалась там травки сочной.
Попробуй прожить без риска
в действительности непрочной.

Пуглива, а вот, поди ж ты,
ползёт по проезжей части
к своей луговине пышной,
у случая в тёмной власти.

При ней все её пожитки,
и надо ей так немного.
Ну как не помочь улитке
скорей миновать дорогу!

БАБЬЯ ОСЕНЬ

Золотая бабья осень
в середине октября!
Клён наряд ещё не сбросил,
ярким пламенем горя.

Неожиданной теплыни
на приволье каждый рад.
Небо повязало синий
в ореоле солнца плат.

Гладь речная, лес и поле
улыбаются ему.
Холода наступят вскоре —
значит, время быть тому.

У природы нынче праздник —
за сентябрь своё берёт,
днями ласковыми дразнит.
Не проспй её щедрот!

ПОПЫТКА РОМАНСА

Вместо тебя обнимаю гитару,
ласково трогаю тихие струны.
В полузабытой мелодии старой
снова всплывают погасшие луны.

Помнишь ли ты те ночные свиданья?
Звёзды плескались в реке вместе с нами,
нас провожало цикад стрекотанье.
Всюду покой. А на сердце — цунами.

Смолкли цикады — осталась гитара:
струн подневольных печальные звуки.
Только вот в том, что тебе я не пара,
не убеждает молчанье разлуки.

ЗА ФЛАЖКИ

Если гнёт к земле тебя усталость,
охладел ты к песням и друзьям —
знай, уже вблизи охотник-старость,
на прицеле каждый твой изъян.

И везде расставлены капканы,
и трубят охотничьи рожки.
Прошлых лет зализывая раны,
уйди скорее за флажки.

Лишь бы сердце продолжало биться.
Для него и годы не указ.
Просто жизни новую страницу
срок настал открыть тебе сейчас.

Днём одним живи. Что будет после —
после позаботится о том
день другой. Встречай его как гостя,
на пороге осенив крестом.

И не думай, сколько дней осталось
пребывать в потерях и в бегах,
потому что твой охотник-старость —
это твой непобеждённый страх.

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

В нас грешит души рассудок —
не душа сама.

К ней в любое время суток
не подступит тьма.

Свет её неустрашимый
в перебранке лет,
в глубине природы лживой
не иссякнет — нет!

Он в пути, что мне неведом, —
Ариадны нить.
Только б не забыть об этом,
только б не забыть!

МИЛОЙ ГОРОЖАНКЕ

Сад под окном — мой Пушкинский музей,
сосновый бор — Кремлёвские палаты,
и воздвигает неба Колизей
мне над рекой нетленные закаты.

Я не лукавлю, милая, поверь:
что для других обычная природа,
то для меня таинственная дверь
со светозарным сторожем у входа.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Сорван с древа жизни нашей
ветром осени иной
день прошедший — лист опавший,
не пропахший новизной.

Всё же был зачем-то нужен,
если помню я о нём,
шлёпая по старым лужам
на свиданье с новым днём.

ДВЕРИ МОЛЧАНИЯ

Через тихие двери молчания
мы с тобой, моё сердце, войдём
в дом, где труд наш — не повесть печальная
человека, что к смерти рождён.

Где по воле благого Учителя
мы себя забываем на миг,
и скудельный наш дар незначительный
превращается в вещей язык.

СЕВЕРНАЯ ПРАРОДИНА

ВСТУПЛЕНИЕ

*— Так сейчас никто не пишет, —
скажут. — Станный тон.
Моё ухо эхо слышит
будущих времён.*

*Всё, что мелочно и мнимо, —
канет без следа.
А любовь неустраима
раз и навсегда!*

*С верой под её покровом
я гляжу вперёд.
О давно забытом новом
рассказать черёд.*

1. КОРАБЛИ

Из Северной прародины¹, волшебной Край-земли,
не ведая уныния, крушений не страшась,
сказанья безымянные, как чудо-корабли,
плывут по морю вечному, опережая нас.

На белокрылом флагмане — Орфей и он же Яр,
свирель его настроена всегда на Божий лад,
в одеждах ослепительных, ни молод и ни стар,
в неведомое горнее стрелой направлен взгляд.

А мы, его причастники, куда плывём, куда?
Крапива разрастается на ближних берегах,
в затонах пни замшелые да мутная вода;
и даже воздух выдохся и плесенью пропах.

Пора, пора на волю нам, на зарево́й простор,
где травы дышат солнечным арктическим путём.
Неужто мы не поняли, ленивцы, до сих пор,
что без свирели Яровой себя не обретём?

В сомнениях, в безвестности, смиряя к славе прыть,
пройти небесным волоком немногие смогли,
но кто сумел управиться, тому и дальше плыть
за белокрылым флагманом до новой Край-земли.

2. НАШИ ПРЕДКИ

Наши предки в курганах зарыты.
Те курганы былём поросли.
Стражи северной Бхагавадгиты
в той земле были солью земли.

След их чуждым копытом затоптан,
но в преданиях дышит поднесь
орошённая кровью и потом
о духовном их подвиге весть.

До сих пор мы стоим у подножья
той вершины, оставленной в дар,
где из нового круга Сварожья²
вышел русский Христос — Белояр.

Видно, память веков не остыла
и к родным прикипел я корням,
коли чувствую скрытую силу
в откровениях «Веды славян»³.

Видно, впрямь всё забытое — ново,
и прозрачно сказаний рядно;
и нельзя не поверить на слово
там, где вера и слово — одно.

3. ПОСЛАННИКИ СОЛНЦА

Из незыблемой Гиперборей,
вширь по белому свету и дале
золотыми колосьями зреют
души их, не считаясь с годами.

Каждый шаг принимая на веру,
входят в жизни тяжёлую воду
и особенной меряют мерой
затаённую в слове свободу.

И не важно, какая эпоха
на дворе. Их страда неизменна:
воспевать до последнего вздоха
всё, что вечно, хотя и мгновенно.

Всё, что зрячему сердцу открыто,
да не видит обычное око,
всё, что миром поспешным забыто
и в забвеньи цветёт одиноко.

Так велит озарений наука:
расплескайся, сгори и воскресни
языком осмелевшего звука
под крылом оперившейся песни.

4. БРАГА БРАТСТВА

Чтобы пламя могло разгореться,
нужен хворост и нужен камень.
Просыпайся, славянское сердце,
погружайся в неведомый день!

Время чашу пустить круговую.
Брага древнего братства хмельна,
бередит она память живую —
не пролить и не выпить до дна.

5. СЛАВЯНСКОЕ СЕРДЦЕ

Славянскому сердцу все дали открыты!
Вражды ни к кому не питает оно.
Гуляет по свету без стражи и свиты,
всегда в неизвестное устремлено.

Славянское сердце не ищет покоя,
не в славе земной видит доблестный путь.
Оно возвещает геройство другое —
уменье без страха в себя заглянуть.

Его не смущают былые потери
и грозная милость провидческих снов.
Всё ждёт: ну когда же в него мы поверим
без ложных радений и выспренных слов.

Осторожной судьбою повязаны все мы,
но сердцу ни годы, ни власть не указ.
И всходят незримые миру посевы,
и молятся наши святые за нас!

6. ПОМАКСКИЕ ПЕСНИ⁴

1

Коляда наш, Коляда!
Розовеет куст терновый.
Ты предвестие Христа
на земле отцов суровой.

Ты не раз сходил с небес,
Белояром был и Крышнем,
и служил тебе Велес,
величая Светом Вышним.

И вела к тебе звезда —
ко Святой горе в пещеру.
И под игом, Коляда,
мы отцов хранили веру.

Полумесяц не сломил
допотопной веры нашей,
без тебя был свет не мил
под пятою силы вражьей.

Незлобивый твой народ
не поставлен на колени.
Память древняя живёт
до сих пор в глуши селений.

До сих пор из уст в уста,
с православием не споря,
о тебе, в труде и в горе,
ходят песни, Коляда!

2

Неземная Злата Майя,
ты вскормила Коляду,
заступись за нас, родная,
отведи от нас беду.

Горб судьбы грехами нажит —
ниспошли поводырей.
Слёзно просим, деток наших
защити и обогрей.

Сын твой Третий во Триглаве
и на небо восхищён.
Мы его покорны славе,
там его незыблем трон.

Попроси его у трона,
Злата Майюшка, за нас,
чтоб цвело земное лоно
и Крыницы свет не гас.

Чтоб и дальше мы, согласно
с верой праведных царей,
жить могли по Книге Ясной⁵
и по волюшке своей.

3

Снеговитая зима
с плодовитым летом
множат жито в закрома,
соревнуясь в этом.

Мы Дажьдбога не озлим,
подпоём Снегине,

и вбивать меж ними клин
в мыслях нет в помине.

Словно дети мы в саду
Матери Природы.
Не подвержены суду
ни леса, ни воды.

Строго судит только нас
за грехи Вершитель
судеб наших. Мы страшась
чтим его обитель.

И родной кормилец-дом —
ширь лугов и пашен,
никогда не обойдём
почитаньем нашим.

7. СЛАВЯНСКИЙ РАЙ

Без тьмы не обратиться к свету.
И он на свет идёт сквозь тьму,
и даль благоволит к поэту,
но мало этого ему.

Он жаждет в слове с небом слиться
и в дружном хороводе звёзд
стать на мгновение, как птица,
что носит имя Алконост.

В размахе крыл полёт всесилен,
и радостью лучится лик.
Сестра печали вещей — Сирин,
её подруга и двойник.

И если верить песне старой,
что сохранил наш отчий край,
они дорогу знают в Арий —
славянский сладкогласный рай.

Там брат не точит нож на брата
и песни льются, как струи
небесных Волги и Ефрата,
смывая горести твои.

Туда, туда без промедленья!
И всё равно, какой ценой
платить придётся за мгновенья
необычайности земной.

8. ДЕКАБРЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Солнце декабрьское двинулось снова на Север,
к родине предков, откуда шагал я веками
вплоть до поры, когда в землю упавшее семя
мною возродилось для здешних затей и исканий.

И невредим до сих пор я по милости странной.
Солнце декабрьское ходит всё выше и выше.
Не остановит ничто его бег неустанный
над перекатами будущей жизни и бывшей.

Не времена оно метит лучами, а сроки,
не обещает покоя идущему следом.
Можно не раз оступиться и сбиться с дороги —
путь же останется прежним, хоть он и неведом.

Воздух морозный, и дали белеют снегами,
словно опять расступается Белое море,
будто равнина Исхода легла под ногами.
И оживает душа на полярном просторе...

9. ЗАКЛИНАНИЕ

Человече-демониче,
человече-ангелоче.
А у Бога без двуличий
в лицах трёх сияют очи!

Свод небесный лёг на плечи,
устоять в грехе нет мочи,
не помогут звёзды-свечи
в темноте духовной ночи.

Ангелоче-человече,
человече-демониче,
у творца небесной речи
не отсечь любвиязыче!

10. ПРИВОРОТ

Гривна, лунница и пронизь⁶
были бы тебе к лицу.
Оберегом от бессонниц
я тебе их поднесу.

Чудодейный сон навею
волей птицы Алконост,
и твою одену шею
в луны лунниц, в гривны звёзд.

Буду я стоять на страже
этой яви в этом сне,
и тогда рукой лебязьей
ты потянешься ко мне.

11. ОРФИЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Орфический огонь, пылай, гори,
не покидай стареющее тело!
Твой здешний луч как отблеск той зари,
где ни трудам, ни срокам нет предела.

Я заглянуть за край не тороплюсь —
поборник твой от бед лица не прячет.
Сжигай сомненья, ведь название Русь
пошло от Сурья — солнечная, значит.

Я малый уголь твоего костра,
но верю, пламя не пойдёт на убыль,
пока слова бегут из-под пера
и русской песни неизбывна удаль.

¹ Северная прародина или Край-земля (по греческой версии — Гиперборея) — легендарная цветущая страна славянских праотцев (прим. автора).

² Круг Сварога или Коло Сварога — зодиакальный круг эпох, или большого Платонического года, который имел начало 20 тысяч лет назад. Новый круг начался с Преображения Белояра — IV век н.э. (прим. автора).

³ «Веда славян» — собрание песен, устно передающихся из рода в род, о Сыне Бога. Это свидетельство, представляющее собой общеславянскую традицию, во многом переплетается с древнегреческими мифами, индийскими Ведами и Священным писанием (прим. автора).

⁴ Помаки — болгарская народность, сохранившая в устном исполнении песни «Веды славян» (прим. автора).

⁵ Ясная Книга или Золотая Книга — Завет Коляды своему народу (прим. автора).

⁶ Древнерусские украшения в виде сергь и ожерелий (прим. автора).

ЦАРСКАЯ ДОРОГА

Дух звенигородской земли
впитал в себя величие русской культуры.

Борис Зайцев

1. ДРУГАЯ РУБЛЁВКА

Царский путь — через поля,
через край сосновый,
от московского Кремля,
долгий путь, терновый;
путь, идущий сквозь века,
благостный, сиротский,
в даль времён издалека, —
в Кремль звенигородский.

Разве пройден этот путь
до конца, до славы,
до любви, щемящей грудь,
до святого Саввы?
Где небесный звон подков
слышен на Рублёвке? —
череда особняков
да народец ловкий.

Нет, не пройден этот путь —
путь духовной жажды.
Тщились мы с него свернуть
в пропасть не однажды.
И теперь в котле страстей
сбились мы с дороги.
Только нет других путей
у любви в итоге.

2. НА СТОРОЖЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Проходит Царская дорога
почти у дома моего.
Об этом сердце знает много,
а я не знаю ничего.

К тем временам святозабытым
оно мой верный поводыр —
Звенигородским трактом с видом
на Сторожевский монастырь.

Был этот Царский путь проложен
трудом подвижников святых,
и вопреки бореньям ложным,
земля впитала славу их.

Сквозь тьму веков и свет страданий,
сквозь явь, навязанную мне,
картины были стародавней
всплывают словно бы во сне.

И в час сомнений непогожий
они напутствуют меня
встречать рассвет смелей и строже
под дулом будущего дня.

3. БАРВИХА В МАРТЕ

Я не случайно оказался тут,
где истончилась времени завеса.
О том же самом птицы мне поют
в ветвях ещё не срубленного леса.

Знакомо всё — но здесь я не бывал.
С Барвихой вместе грязь столетий месим.
А жизни современной карнавал
не близок мне. Точней, неинтересен.

Обориха, Бориха ближе мне,
в глуби веков возникшая у бора.
Как будто я приблизился к стране,
которую во сне увижу скоро.

И, может быть, поведает она
о будущем, что затерялось в прошлом.
Ведь каждая воскресшая весна
несбывшееся делает возможным.

4. ЗВЕНИГОРОДСКАЯ ТРОИЦА

Андрей Рублёв Звенигородским Спасом
лицо России подлинной явил,
и этим спас от истребления нас он —
на все века — рукой небесных сил.

Князь Юрий¹, сын Дмитрия Донского,
был преподобным Сергием крещён,
и на стезе служения мирского
в звенящий град призвал Андрея он.

Иконописца Савва Сторожевский
на благодатный труд благословил.
Расписан храм — и отражают фрески
духовной брани всепобедный пыл.

Кто главный в этой троице — не важно.
Ты перед ней колени преклони.
Всеvyšний любит кротких и отважных —
их мало в наши мелочные дни.

Иные лица правят на Рублёвке,
забыв о богоизбранном пути.
Нам не впервой ходить впотьмах по бровке.
Но Спас рублёвский светит впереди!

5. ЕЛИЗАВЕТА ФЁДОРОВНА²

1

Белый ангел Москвы —
 величал так княгиню народ.
Но не путать с народом, прошу,
 гольтьбу инородную.
Цвет России святой
 самозванцы пустили в расход,
а вот душу её
 всё же, как ни пытались, не продали.

На холодной заре
 есть кому помолиться за нас.
Есть за что умирать на земле,
 обескровленной бедами.
В тихом усовском храме стою,
 перед ликом склоняясь:
мы тебя не забыли, княгиня,
 не сдали, не предали.

И становятся мысли о жизни
прозрачней стекла
под покровом высокой судьбы
Лисаветы и Сергия.
Время царской дорогой идти —
она в сердце легла.
Ни забвения нет, ни предела
делам милосердия.

2

К ограде, каменной, запретной,
в пределах усовской версты,
к усадьбе, Вяземским воспетой,
приводят прошлого следы.

Жизнь в этой волости сосновой
текла обычной чередой,
когда готовился терновый
венец подвижнице святой.

И, видно, только небо знало
незримую событий суть,
что у последнего причала
суждён ей в шахту смертный путь.

У справедливости небесной
свои законы и права.
Я верю, воспарив над бездной,
она в успении — жива.

И в богородничных палатах
о всех, забывших долг и честь,
за всех, от крови бесноватых,
всечасно молится поднесь.

6. ПРАВДОПЫТАТЕЛИ

Правдопытатели, вероискатели,
силы бунтарской искрометатели!
Ради гордыни, спасения ради ли
вы в провозвестники истины метили,
многих побед и крушений свидетели,
нашей сегодняшней смуты пра-прадеды...

Правдоискатели, веропытатели,
крайних воззрений бомбометатели,
душ возмутители, справщики совести
и летописцы, в безвестности, в славе ли,
лет временных неоконченной повести, —
вновь о себе меня вспомнить заставили.

Что о вас знаю? — ни мало ни много я.
Бродит по жилам святая, жестокая,
непрописная история русская,
будит сынов нерадивых без устали.
И от судьбины такой не излечится
всякий, кто сердцем вращается в отечество!

7. ТВОРЦЫ ИСТОРИИ

Шли мы за царя и за Отечество.
А потом за Родину, за Сталина.
С верой шли — и сокрушаться нечего:
Мать-Отчизна наставляла правильно.

С верой шли — и это было главное.
А теперь куда глядят правители?
Но гласит наука неуставная:
мы творцы истории — не зрители.

По ухабам времени усталого
сто дорог и сто сомнений пройдено,
сорок царств грозили нам расправою.
Но одна у нас — всё та же — родина.

Что в ней ложно, что от века истинно?
След такой земли отыщем где ещё?
Распознать её способен, искренне
языком отеческим владеющий.

8. БЕЛОМОРСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

В благочестии старинном, отцепрёданном,
как бы дни раскола ни были горьки,
и в мирских делах нам стойкость заповедала
Беломорская твердыня — Соловки.

Всё вместила: дух бунтарский и смирение,
славу каторжную — всё ей нипочём!
Устоит она до светопреставления,
подпирая небеса молитв плечом.

9. КАЗАЧЬЯ РАСКОЛЬНИЧЬЯ

(Песня казаков-некрасовцев³)

Все мы — с царскою душой.
Под царём не будем.
Наш казачий круг большой
трону неподсуден.

Судит совесть нас. Она
верой предков наших
на века закалена
от наскоков вражьих.

Не по нраву наш устав —
проходи, не тронем.
А нагрянет супостат —
гей, братва, по коням!

Всяк при сабле — стар и млад.
При хозяйстве — жёнки.
Долг любви суров и свят
на любой сторонке.

Бъём врага мы, а жену
соблюдаем в ласке.
Делим общую казну
на кругу по-братски.

За провинность — в батога
вплоть до атамана.
Ты отец наш и слуга —
правь же без обмана.

На Туретчине — и там
проживём неплохо.
Не указ нам их султан,
как и царь Ероха⁴.

Осеняет наш союз
не орёл двуглавый.
На древках знамён — Исус
древлей веры правой!

10. НОВОРУССКАЯ ПЕСНЯ

**Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.**

Старорусская песня

Солнце всходит и заходит
над заборами Барвих.
Но невесело в природе
и в хороммах озорных.

Отсырел разборок порох,
стало тошно от вина.
На воротах сто запоров,
да покоя нет и сна.

Жизнь копейкой отзвенела —
а того ли ты хотел?
И кому какое дело,
как ты жил и богател.

Солнце всходит и заходит
не для званий и заслуг;
говорят не зря в народе:
враг твой первый — лучший друг.

Вот такое, брат, застолье:
был ли, не был — всё одно...
Сиро, голодно на воле.
А в твоей тюрьме — темно.

11. ПРОШЕНИЕ

Воевода взбранный, князь святой,
благоверный Александр Невский!

У татарских ханов под пятой
ты умел смирать их норы дерзкий.

Был не зря ты Невским наречён.
Под лучами праведного солнца
не калёным словом, так — мечом
успокоил шведа и ливонца.

Раздаём отчизну мы сейчас
ни за грош, какого бога ради?²
Неужель твой дух оставил нас,
победителей фашистской рати!

Неужели прежний пыл угас
и спасенья нет родному краю?³
Благоверный княже, яко аз
вновь к тебе усердно прибегаю:

собери сынов своих опять,
укрепи сердца на бой готовым,
помоги дружине устоять
в наших дней побоище Ледовом.

12. ЗВЕНИГОРОД ОКЛИКАННЫЙ⁵

По-своему слышали Ремизов, Рерих
звон Китежа-града в кипении смут.
По-своему видели чаемый берег,
где русскому сердцу обещан приют.

Доныне разносится звон колокольный,
сынов окликаая, и помнит простор
отцовские песни о волюшке-вольной.
И прошлое помнит о нас до сих пор.

Мы — дети звенящей земли баснословной, —
мы выстроим Кремль, что в сердце спалён.
Звенигород — имя России духовной:
одно из её потаённых имён.

13. НЕЛЬЗЯ ИНАЧЕ

Сторожка-речка и река Москва
не высохли, и оттого жива
природа на земле звенигородской.
И монастырь над местностью царит:
в его стенах какой уж век горит
огонь духовной жажды, а не плотской.

Я из мирских — слагатель рифм простых,
но высоту служения постиг
благодаря разливистому звону
колоколов и строгости икон.
Есть у души свой праведный закон,
хоть трудно жить по этому закону.

Его придётся всё-таки блюсти
нам на ухабах Царского пути.
Иначе мы толпа бродяг — не боле,
чьё слово — не Егория копьё,
хранящее достоинство своё,
а матерная надпись на заборе.

14. В ПУТИ

Из прародины Северной — вдаль.
По дороге по Царской — туда,
где печали не знает печаль
и беды не накличет беда.

И откуда бы ветер ни дул,
надо, братцы, идти и идти.
Лишь бы разум за ум не свернул,
только б совесть осталась в чести!

¹ Князь Юрий Дмитриевич по прозвищу Звенигородский — построил Звенигород и утвердил Царский путь — нынешнюю Рублёвку (прим. авт.).

² Великая княгиня, сестра императрицы Марии Фёдоровны. После гибели мужа Сергея Александровича от руки Каляева в 1905 году постриглась в монахини. Основательница Марфо-Мариинской обители. Большевики казнили её, бросив в шахту. Православная церковь чтит её как святую преподобную мученицу Елисавету (прим. авт.).

³ Игнат Некрасов — сподвижник Кондратия Булавина в Крестьянской войне. После смерти первого атаманствовал над казаками и беглыми крепостными против царских карателей. Терпя поражения, увёл казаков и их семьи в Турцию. Некрасовская община осела на озере Майнос, сохраняя старую веру и подчиняясь «Заветам Игната», и просуществовала два с половиной столетия. В 60-е годы XX века остатки некрасовцев вернулись на родину (прим. авт.).

⁴ Так на народно-поэтическом языке некрасовцы прозывали Петра I (прим. авт.).

⁵ Название произведения Алексея Ремизова (прим. авт.).

ОДИНОКИЙ

Смотрит в небо одинокий —
и уже не одинок.

В дней стремительном потоке
жизнь читая между строк,
замечает то, что прочим
в спешке видеть не дано.
Ободрён небесным зодчим,
пьёт смирения вино.

Нет ему иной подмоги!
Счастлив каждым днём одним
многоокий одинокий —
всё живое иже с ним!

МАСЛЕНИЦА ИДЁТ!

Идёт Масленица по улице,
солнце несёт на блюде.
Полно ёжиться и сутулиться,
возвеселитесь, люди!

Масленица — ненапрасленица:
с водочкой да с блинами.
Как же тут не умаслиться,
не подобрать, земляне!

Как же тут, угощением
пузо набивши туго,
не попросить прощения
искренне друг у друга.

Мы не из тех, кто тянется
к чарке хмельной без повода:
зимушки-бесприданницы
нынче справляем проводы.

С горок потешных кубарем,
шапки долой и варежки!
Как тут, обнявшись с сударем,
не покраснеть сударушке.

Валит валом и дразнится,
нам на забаву, люди,
Масленица-безотказница —
солнце блином на блюде.

Радуйтесь до усталости
миром разноязыким
Сырной седмицы шалостям
перед постом Великим!

ИЗ ПРОШЛОГО

На продавленном диване
ты мечтала о Париже
с неизменными словами
о богатстве, о престиже.

Путь туда казался сладким —
в детстве так влечёт конфета.
Расставанье было кратким —
не виню тебя за это.

В одиночестве мечтаю
не о баснословной Ницце, —
как бы мне родному краю
долг любви отдать сторицей.

НЕ ЗАМЕТИМ

Вдоль жизни, по солнцу, вдоль крайнего края
идём мы с тобой, умереть забывая.

По солнцу, по звёздам, под небом высоким
ведёт нас судьба с попечением зорким.

Идём, на земные богатства не зорясь.
В пути не помеха ни зависть, ни старость.

И будет закат наш жесток или светел,
очнёмся — не вспомним. Умрём — не заметим.

БЛАГОТВОРНЫЙ ДАР

Троицы Святой воитель,
врачеватель скорбных ран,
не в скиту твоя обитель,
Златоустый Иоанн.

Дивный свет иной науки
был тебе от Бога дан:
простираешь не к небу руки,
а к сердцам простых мирян.

УЗЫ БРАТСТВА

Христианин ли, мусульманин —
стоим перед единым Богом.
А вот судьбы повозку тянем
по разным жизненным дорогам.

Но путь один. Давно пора бы
понять — нет у любви различий.
От человека все преграды.
Ему всего важней обычай.

Ему родные узы крови
важнее уз священных братства.
И меч отмщенья наготове,
как оправданье святотатства.

И ближнего изводит ближний,
гордясь расправой и расколом.
Такого ли от нас Всевышний
ответа ждёт, терпенья полон!

НЕ ОПЛОШАЙ

Надейся на Божию взгоду,
да сам, человек, не плошай.
Давно возмутил ты природу.
На теле её, как лишай,
разросся, размножился, выжил...
А дальше что прочит прогресс?²
Опять в катакомбы, по нишам
от гнева разверстых небес?²

Ты сам эту выбрал дорогу —
не царский, скажу тебе, путь.
Последнюю в мире эклогу
в печали сложить не забудь
земле, на которой ты вырос,
отчизне, в которой окреп.
Зарой для потомков папирус —
и в склеп катакомбовый, в склеп!

О ЛЮБВИ

Был любимым — стал любим.
По-простому — нелюбим.
А ведь светом был в окошке,
воспевал любовь саму.
И скребут на сердце кошки:
как же так и почему?

Подытожить можно кратко:
сердце женщины — загадка.
Не пытаюсь разгадать,
не виню и знаю только,
правда, в этом мало толку:
разлюбить — себя предать.

ОЖИДАНИЕ

Сколько тень любимой ни лови —
ускользает, трепетно и грустно.
Трудно жить с любовью без любви.
Ожиданье — тоже ведь искусство.

То, что сбылось, то уже прошло.
И жалеть о сбывшемся не буду.
Многих женщин нежность и тепло
испытав, я склонен верить в чудо.

Что однажды встретится одна,
заслонив все прочие любви.
Но пока встречается она
только в слове. Растворяясь в слове.

ТАКИЕ ДЕЛА

Назло всем судьбинным преградам
натянута сердце струной.

И в дни, когда нет тебя рядом,
беседует небо со мной.

Ценю я родство не по крови
и верю в наш странный союз,
и всем, что рождается в слове,
с тобой откровенно делюсь.

Живу я укромно и праздно,
иным не прельщаясь житьём. —
Ты судишь меня беспристрастно
и в жизни, и в деле моём.

И этим понять хоть немного
себя самого помогла.
Причастны высокому слогу
мы оба — такие дела.

Пусть что-то у нас не сложилось,
но каждую встречу с тобой
я воспринимаю как милость,
отпущенную судьбой.

НАША БЫЛЬ

Я с женщиной поссорюсь,
а после помирюсь.
Мы вместе пишем повесть,
где радость, боль и грусть
всегда неразделимы
и вечны меж живых.
Ах, если бы смогли мы
понять природу их!

И в мире, и в раздоре
своя наверняка
есть искренность. Мы — море,
волнуемся пока, —
разумная стихия,
где правят шторм и штиль.
Мы люди. Мы такие.
И это наша быль.

УСОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Был бы ангелом — не пил бы я вино
и на женщин бы украдкой не глядел,
не жалел бы я, что дней веретено
сокращает здешний мой удел.

Не ходил бы к лесу и реке
слушать стрекотание цикад
и смотреть, как гаснет вдалеке
золотой — ещё один — закат.

Был бы ангелом — не полюбил бы труд,
на который не жалею чувств,
за который денег не дают,
но зато карман души не пуст.

НА ПРОГУЛКЕ

Осеннее затишье
пришло как дар небес.
Я на прогулку вышел
в застывший пёстрый лес.

Охвачен он истомой
последнего тепла.
В лесной глуши просторной
тропинка пролегла.

Сквозят остатки лета
в листве, ещё густой.
Благодарю за это,
октябрь золотой!

За даль безгрозовую,
за день без суеты,
за тишину святую,
где только я и ты.

У ПРУДА

Стекло воды недвижной
блестит издалека.
А подойдёшь поближе,
и видно с бережка:
стоят в пруду деревья
макушками ко дну
и облаков кочевье
уходит в глубину.

На дне — второе небо.
И нет у неба дна.
Картина, хоть нелепа,
но явственно видна.
Пейзаж такого рода
на водном полотне
художница-природа
сегодня дарит мне.

НА ИСХОДЕ

По долинам и по взгорьям...

Из песни

Повинуясь оставшимся зорям,
с неприкаянной верой в груди
по долинам страстей и по взгорьям
надо путь свой достойно пройти.

И понять, дотянув до заката,
на исходе последней строки:
за стихи не бывает расплаты,
потому что расплата — стихи.

ПРИ СВЕТЕ ФОНАРЕЙ

Две тени сопутствуют мне —
одна догоняет другую.
С одной я о прошлом толкую,
с другой — о не пройденном дне.

Две тени мои на снегу,
одна из другой вырастая,
не могут сказать мне, куда я
иду, от кого я бегу.

Пустынно. Вокруг ни души.
Но кто-то без слов убеждает:
о том, что тебя ожидает,
узнать наперёд не спеши.

Сомнения оставь позади,
себя в заплутавших не числи,
и за поворотом от жизни
ничто, кроме жизни, не жди.

ПОТЕРЯВШИЙ СЕРДЦЕ

От потерянного сердца —
ветер холода и тьмы.

Эдуард Балашов

Песня радости умолкла,
и очей погасли окна,
голос совести затих,
сердце в камень обратив.

Не прозреть, не загореться,
и любви не взять взаймы.
От потерянного сердца —
ветер холода и тьмы.

Потерявший сердце жалок,
безучастен и безлик.
В душевных самости подвалах
глохнет о спасенье крик.

Ходит, тело сохранив,
мертвецом среди живых
в мире собственном пустом...
И не ведает о том.

УСОБИЦА

Мира внешняя усобица
зарождается в умах,
в естестве людском и копится,
умножая тьму и страх.

Никуда она не денется,
что о том ни говори,
если каждый не изменится,
хоть на йоту, изнутри.

ЛИХИЕ ВЕТРА

Лихие ветра носили
меня по тропам познания.
Я мог бы лежать в могиле,
не оправдав призвания.

И с каждым неверным шагом —
их было не так уж мало —
я мог разминуться с благом,
но жизнь мне аванс давала.

И зла нахлебавшись вдосталь,
я тьмою не сломлен всё же.
Приставлен добра апостол
ко мне с детских лет, похоже.

К АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Мой ангел-хранитель, апостол добра,
над искренним словом склоняясь под вечер,
я верю, что солнце увижу с утра.
Да, верю. А больше похвастаться нечем.

А как замолчу — ты меня не оставь
и Богу представь мои скромные оды.
Коль здесь не прославлен — прости и прославь
в садах неизбежной и страшной свободы.

СЛОВО

Слово — в начале оно
было. И будет. Скажи,
Богу не всё ли равно,
сколько перстов ты сложил?

Слышит Он искренний стон
в непросветлённой тиши.
Над непечатым листом
Слово — молитва души.

МЫ УЙДЁМ

Мы уйдём. Запомнит солнце
след, оставленный судьбой.
И природа улыбнётся
на прощанье нам с тобой.

Улыбнёмся ей в ответ мы
и уйдём без суеты.
Нет, не все пути бесследны
и не все слова пусты.

Мы живём на этом свете
и на том уже сейчас.
Свет один. Хоть мимо смерти
не пройти в урочный час.

СВЕТИТЬ

Светят погасшие звёзды. И вслед
тают подаренной жизни мгновенья.
Слава Тебе, показавшему Свет,
но не открывшему тайну творенья.

В каждом закате алеет восход,
в недоумении плоть увядает.
Но неизведанным сердце живёт
и в неизведанном свет обретает.

Может, вот так же, остывшей звездой,
сквозь немоту и забвения стену,
по разумению воли святой
буду светить я пришедшим на смену...

НАША РОДИНА ВЕЗДЕ

Как для Слова нет границ,
так у неба нет предела,
и кордона нет для птиц,
и преград, чтоб сердце пело.

Где кириллица цветёт
на полях свободы тайной.
Где падение и взлёт
не бесцельны, не случайны. —

Наша родина везде,
где пространство духом дышит.
Где страдавший на кресте
речь молитвенную слышит.

ОСТАЛОСЬ ПОМОЛИТЬСЯ

Судьбы безвестная страница
исповедальной ждёт строки.
Осталось только помолиться,
чтоб слёзы не были горьки,
чтоб чашу радости достойно
я смог и в горестях нести,
и совесть не спала спокойно,
пока невежество в чести.

ВОЛЕЙ ТВОРЦА

Всякое творчество — это забота о благе.
Значит, оно задушевно и богоугодно.
Слов ли созвездие ты доверяешь бумаге,
хлеб ли растишь, или кистью владеешь свободно,
или дитя на прямую выводишь дорогу, —
не перечислить всего, чем владеешь по праву
волей Творца, приближаясь к Нему понемногу,
кровью своей добывая небесную славу.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Срок настал.....	7
Время.....	8
Труд.....	9
К поэзии.....	10
В песенной заботе.....	12
Ответ.....	13
Именины.....	14
Женщина	
1 «Все женщины по праву несравненны...».....	15
2 «Во многих лицах — мать, сестра, супруга...».....	16
Близость	
1 «Нам в объятьях не до сна...».....	17
2 «Близость — венец слияния...».....	17
3 «Когда с тобой сливаюсь я...».....	18
4 «Тайна тесного слиянья...».....	18
Мой Калинов мост.....	19
Не поздно.....	20
Июльская гроза.....	21
Бабочка июня.....	22
Бабочка ноября.....	23
Муха.....	24
Осы.....	25
Улитка.....	26
Бабья осень.....	27
Попытка ромansa.....	28
За флажки.....	29
Узелок на память.....	30

Милой горожанке	31
Без названия.....	32
Двери молчания	33

СЕВЕРНАЯ ПРАРОДИНА

Вступление	34
1. Корабли	34
2. Наши предки	35
3. Посланники солнца	36
4. Брага братства	37
5. Славянское сердце	37
6. Помакские песни	
1 «Коляда наш, Коляда!...»	38
2 «Неземная Злата Майя...»	39
3 «Снеговитая зима...»	39
7. Славянский рай.....	40
8. Декабрьское солнце	41
9. Заклинание.....	42
10. Приворот	42
11. Орфический огонь	43

ЦАРСКАЯ ДОРОГА

1. Другая Рублёвка	44
2. На Сторожевский монастырь	45
3. Барвиха в марте	46
4. Звенигородская троица.....	46
5. Елизавета Фёдоровна	
1 «Белый ангел Москвы...»	47
2 «К ограде, каменной, запретной...»	48
6. Правдопытатели	49
7. Творцы истории	49
8. Беломорская твердыня.....	50
9. Казачья раскольничья	50
10. Новорусская песня	52
11. Прощение	52
12. Звенигород окликанный	53
13. Нельзя иначе	54
14. В пути	54
Одинокий	56
Масленица идёт!.....	57

Из прошлого.....	59
Не заметим.....	60
Благотворный дар.....	61
Узы братства.....	62
Не оплошай.....	63
О любви.....	64
Ожидание.....	65
Такие дела.....	66
Наша быль.....	67
Усовская элегия.....	68
На прогулке.....	69
У пруда.....	70
На исходе.....	71
При свете фонарей.....	72
Потерявший сердце.....	73
Усобица.....	74
Лихие ветра.....	75
К ангелу-хранителю.....	76
Слово.....	77
Мы уйдём.....	78
Светить.....	79
Наша родина везде.....	80
Осталось помолиться.....	81
Волей Творца.....	82

Александр Сорокин-Ильинский^е
(Александр Евгеньевич Сорокин)

ЦАРСКАЯ ДОРОГА

*Автор благодарит за помощь всех,
кто принял участие в издании этой книги.*

Сдано в набор 03.03.2015. Подписано в печать 04.03.2015.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Academy».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0. Тираж 999 экз.

ООО «Научно-издательский центр «Академика»

127254 Москва, ул. Гончарова, д. 15

Отпечатано в ООО "Сам полиграфист"

www.onebook.ru